

РАССКАЗЫ

СХОЖУ ЗА ТОПОРОМ

Наверное, целая эпоха ушла, связанная с жизнью во дворах, в городских дворах, которые безусловно являлись надежной и устойчивой ячейкой общественной жизни, с обязательными участковым, дворником и домкомом; по государственной значимости такая ячейка располагалась сразу после семьи. Уже написаны романы и песни про жизнь в этих городских дворах. Уже и дворов-то, формировавшихся одно- и двухэтажными деревянными и щитковыми домами, привязанными друг к другу сараями-дровяниками, почти не осталось — все больше вырастают на огромных пригородных пространствах какие-то молчаливые мрачные «гарлемы» из холодных многоэтажек с пустующими детскими площадками и забитыми автостоянками. И общества на этих продуваемых ветром пространствах такого общества, которое само собой организовывалось в старых городских дворах, не создашь — не получается.

Раньше каждый житель прямо в майке и в домашних тапочках мог его, этот свой двор, обойти и окинуть взором, и это было пространство, за которое он безо всяких законов или предписаний нес ответственность как за пространство, в котором живет. И за соседей, которых он всех знал и которые все его знали, он тоже нес ответственность. И это была коллективная ответственность, благодаря которой создается общество.

После страшной безумной войны миллионам беженцев из сожженных и разоренных городов и сел Украины, Белоруссии, Смоленщины, с временно оккупированных немцами территорий, из блокадного Ленинграда пришлось искать себе новое прибежище и жилье в тылу страны. Строились на скорую руку бараки-временки с земляными полами и вечно дымящими печками-буржуйками. Но и термин «уплотнение» стал привычным в обывательском обиходе: приходил в квартиру домком и объявлял, что надо освободить одну комнату для эвакуированных. Люди безропотно шли навстречу вынужденным переселенцам и погорельцам: у них самих кто-то не вернулся с фронта и никогда уже не вернется. Такое время было.

Если двор в общепринятом представлении должен выглядеть как некое замкнутое пространство с единственными воротами для входа и выхода, то двор, о котором я поведу речь, выглядел как засаженный деревьями и кустами, с клумбами и обихожеными дорожками участок внутри каре, составленном четырьмя четырехэтажными домами. Дома эти назывались «домами специалистов», и строились они в центре города в тридцатые годы для врачей, инженеров и профессоров. Квартиры были в них большие: трех- и четырехкомнатные, с ваннами, центральным отоплением и прочими

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горьком. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

буржуазными излишествами. Даже котельная для этих домов была поставлена отдельная в виде небольшого кирпичного пристроя.

Так было до войны. А после войны, когда почти все квартиры из-за уплотнений стали коммуналками и в каждой квартире одна комната, как правило, была отдана под переселенцев, все в жизни двора поменялось. Если раньше тут обитала пусть и не очень однородная, но признающая свою значимость городская элита, то теперь можно было смело разделять всех живущих на «своих» и приехавших. И эти приехавшие эвакуированные и даже ленинградские блокадники, как правило, не только в социальном плане, но и в материальном оказывались много ниже старожилов двора. Хотя трудное послевоенное время объединяло и быстро зализывало эти различия: «Сорок восемь — половину просим!» стало девизом тех лет.

Не хочется упустить еще одно важное обстоятельство, связанное с довоенной жизнью, когда строились эти дома: обязательным приложением к жилищным постройкам того времени были сараи. Пусть это были уже не дровяники, но погреба для различных домашних заготовок, вроде квашеной капусты, соленых огурцов и грибов, в этих сараях обязательно имелись, да и сезонные предметы для отдыха такие, как лыжи и велосипеды, хранились тоже в сараях. Так вот сарай для «домов специалистов» были поставлены очень хитро: чуть в стороне, так, что их почти не было видно за пышными кустами сирени, и они не расстраивали взгляд.

Прошло и двадцать, и тридцать послевоенных лет, и мало кто уже вспоминал, что этот зеленый, заросший сиренью и акациями двор, скрывающийся за «домами специалистов», был легендарной точкой в городе и проживали тут когда-то и маршал Конев, и сестра Андрея Жданова, и много еще каких легендарных личностей.

Мишка Жмуркин был старожилом во дворе — он здесь родился и планировал всю свою жизнь прожить тут: нравился ему его двор. Отец у Жмуркина был большим городским и областным начальником, и его регулярно, раз в два-три года, переводили на новое место службы, и всегда с повышением. Поговаривали, что его ждет уже место в Москве, чего Мишка очень боялся: не хотелось ему переезжать в Москву. Хотя злой Вадик Костылин в школе как-то раз крикнул Мишке, предварительно высунув язык: «Твоего отца все равно посадят!» За это Жмуркин позвал Вадика в школьный туалет, там ударил его крепко кулаком в ухо и еще раз под дых, а Костылин только снова высунул и показал ему язык и что-то промышчал еще раз.

— Мало ты ему врзал, — заметил присутствовавший при том Илья Криворотов, — можно я ему добавлю? Очень уж он мне не нравится.

— Не надо, — ответил Криворотову Жмуркин, — я вечером сам ему еще добавлю. Я знаю, где он живет — в Холодном переулке. Схожу!

— Тогда я с тобой тоже схожу.

— Пойдем, — ответил Мишка.

Он уже понял, что Илья Криворотов — его новый одноклассник, к тому же еще и новый сосед по двору — видел он, как пару дней назад привозили на машине вещи новые жильцы в бывшую квартиру одного полковника, которого, по словам всех соседней, переводили служить куда-то на север. Видел Мишка в тот раз и этого Илью, только не успел с ним познакомиться. А тут — сама судьба ему в помощь.

Только если судьба и помогла друзьям поближе познакомиться, то вовсе не так, как они планировали.

В тот же день, вечером уже, но вполне еще засветло, Михаил возвращался к себе домой из сарая с авоськой картошки. Пять мешков только что привезли из деревни на грузовике, чтобы на всю зиму хватило, и разместили в сарае, хотя в подпол еще и не спустили, а мама попросила принести на пробу; хотя чего ее, эту картошку, пробовать — каждый год лысковскую покупают. Выйдя из-за угла дома и направляясь

к своему подъезду, увидел Жмуркин, что его новый сосед Илья взят в «коробочку» прямо посреди двора, то есть окружен пятью взрослыми ребятами, настроенными просто очень даже невежливо; взрослыми — значит, лет по пятнадцать-шестнадцать, а это уже не двенадцать, как им с Ильей. И больше во дворе никого!

Среди этих чужих пацанов был и Вадик Костылин, тот самый его одноклассник, с которым он разбирался утром в школьном туалете. В следующую минуту должно было все начаться или случиться. Михаил понял, что пришли эти ребята к нему, а встретили Илью.

Слабину давать было нельзя — это Михаил знал. Он уверенно и очень быстро, даже торопливо, почти подбежал к компании.

— А вот и я! Вы не меня тут искали? Мне мама подсказала — сказала, что приходили товарищи из комсомольской организации, просили какие-то бумаги подписать, говорили ей, что меня на ударную комсомольскую стройку срочно отправляют, зря вы ее так напугали, плачет она.

— Тебя, тебя мы искали, — ядовито кривя улыбку, закивал головой Костылин.

— Ой, Вадик, а поддержи, пожалуйста, минутку, — прикинулся дурачком Жмуркин и сунул в руку Костылину авоську с картошкой.

— А зачем я ее буду держать? — опомнился Костылин и бросил картошку на землю.

— Не бросай, я сейчас заберу ее у тебя. Подожди минутку, я сбегая в сарай за топором.

— За каким еще топором?

— Подожди минутку — сейчас все увидишь. Только ничего тут не делайте без меня, — погрозил пальцем непонятно кому Мишка и озабоченно бросился к себе в сарай, откуда почти моментально возвратился, но уже неторопливым шагом, и, улыбаясь, в руках он держал наган, самый настоящий боевой наган, такой, какой все нормальные люди только в кинофильмах про Гражданскую войну видят. Он нес его перед собой уважительно и осторожно, как взрослые мужики несут полную кружку пива.

— Вот, ребята, топор я не нашел, но нашел кое-что получше, — произнес Жмуркин, поднял руку вверх и нажал на курок.

Выстрел прозвучал не очень громко, будто в лесу сухая палка сломалась, но подействовал на присутствующих совершенно неожиданным образом: двое пацанов бросились бежать со двора, двое уселись на ближайшую скамеечку, раскрыв рты, а Костылин стал спешно собирать рассыпавшуюся картошку назад в авоську.

— Спасибо, Вадик, тебе, спасибо, я сам соберу, — произнес чуть дрожащим голосом Мишка. Он, видимо, и сам не ожидал такого эффекта от выстрела, — ты забирай давай своих хулиганов и больше к нам во двор их не приводи. А главное — не бойся, я тебя бить завтра не буду. Я тебя просто застрелю в следующий раз, как врага. Понял?

Вадик Костылин и двое его приятелей, которые пришли в себя, второго приглашения не стали дожидаться, а быстренько смотались со двора.

— Вот последний патрон пришлось на тебя, Илюха, израсходовать. Неправильно сформулировал: не на тебя, а ради тебя, — с сожалением покачивая головой, признался Жмуркин и протянул оружие Илье, сидящему на скамейке. Илья взял в руки наган.

— Откуда у тебя такая штуковина?

— Это деда моего, он был командиром армейского Смерша во время войны. Это наградное оружие, у него где-то и удостоверение было. Дед тут с нами вместе жил, он умер год назад, а я успел наган в сарай спрятать от греха подальше и чтобы не реквизировали. Я помню, он с этим наганом на охоту ездил, если на кабана или на медведя — говорил, что это самое надежное боевое оружие, осечек не бывает. Наган — он надежнее и «вальтера», и «макарова»: осечек не бывает.

- А если кто-то из этих ребят проболтается?
- Во-первых, они все перебздели так, что болтать не будут. А во-вторых, у меня там, в сарае, есть и поджиг, очень даже приличный самопал. Скажу, что всё всем показалось и стрелял я из поджига, чтобы просто пошуметь. Там чего, с поджигом — серы со спичек наскоблил, и вся премудрость.

ЗАГРЫЗ ТЫ МОЮ ЛЮБОВЬ

То, что он окажется подлецом по жизни, Мишка Жмуркин узнал довольно поздно, когда ему было уже за тридцать, а мог бы и пораньше над этой своей проблемой задуматься. Когда тебя в чужие гадости носом тычут, то при определенном складе ума можно и оправдания разные навывдумывать, и нафантазировать чего-нибудь несусветного, а вот если в свое, да еще в тепленькое, тут уже не отвертеться! И стыдно, и извиняться приходится, и доводы глупые ищешь.

Уж больно все хорошо в тот вечер получалось у них с Ильей Криворотовым: и вечерок теплый майский, такой, что воздух пьянит, и не виделись давно, а тут повстречались и свободны оба, и на веранде открытой херес подают крымский марочный недорого — давно уже такого не было.

Интересно, что у Жмуркина с Криворотовым, в зависимости от качества и крепости употребляемого напитка, обсуждаемые во время процесса темы были совершенно четким образом направлены и обставлены. Еще направление этих обсуждений могло зависеть от погоды. А тут — вроде все шло в масть.

Сидели на скамеечке в сквере после того, как втерли в слизистую своих желудков очередной стакан, курили и говорили про любовь. Тема объективно объяснялась окружающей обстановкой и морем сирени, которую из-за избытка никто даже не пытался ломать. Особы, возбуждающие мужской интерес, уже начали понемножечку, а в некоторых случаях и всерьез обнажаться, прогуливаясь мимо туда-сюда и неприлично двигая своими разнообразными и замысловатыми лекалами, солнышко светит чуть ли не до ночи, а тепло-то как!

Хотя желание поспорить и присутствовало до некоторого момента, но точки зрения друзей на проблему физиологии любви были настолько близки, что хорошего спора не получалось. Да и очень сильный фактор замечательной майской погоды изымать из совокупности причин общего согласия и благодушия тоже нельзя.

Совместно было решено, что любовью следует признавать некий химический процесс, происходящий как в мужском так и в женском организмах, с выделением различными железами большого количества ферментов, при соответствующих обстоятельствах предполагающих оплодотворение яйцеклетки сперматозоидом.

В самом деле — если задуматься, то мужчина всегда смотрит на женщину как на носителя яйцеклетки, даже когда не понимает этого, но сразу же бессознательно задается вопросом: а есть там яйцеклетка или нет? В том смысле, что не девочка ли перед ним? Или: а не старуха ли это? А потом уже он рассматривает повнимательнее всякие детали: соответствие по возрасту, физическое состояние, глазки, волосики, ножки и так далее.

Так же и женщины всегда рассматривают мужчину как носителя наследственности — просто не хотят об этом кричать вслух. А чего же тут стесняться. Да, они смотрят, чтобы не плешивый был, не кривой, не хромой, и про прочие болячки его, а часто даже и про болячки старших родственников его стараются выяснить все подробно до того, как... А уж знали бы все, как строго относятся к наследственным порокам и болезням в специальном банке, где сперму для искусственного оплодотворения собирают и хранят!

Эта волшебная пьянящая майская погода очень опасна. К тому же еще и херес хорош! Он хорош уже тем, что количество выпитого разливного вина трудно проконтролировать, и часто уже не помнишь, сколько ты его уже принял. Вот с двух, трех или даже с пяти бутылок не случилось бы такой беды, как с этого разливного замечательного напитка.

— Так вот — этот процесс, а я хочу любовь с сегодняшнего дня называть только процессом. И он может длиться, этот процесс, от нескольких мгновений до нескольких десятилетий. Все остальное: случайные связи, семейные отношения, дружба, симпатии, комбинирование при адюльтерах, пьяный секс — называйте все это как угодно, но это не любовь, — заключил Жмуркин и предложил Илье еще раз подойти к буфетчику Гоше, который работал на веранде.

— Да-да, обязательно пойдем, — уже заметно нетрезвым голосом поддержал товарища Ильи, — только чуть погодя. Сначала расскажи мне, что произошло тогда с вашей любовью? У вас же с твоей Маринкой была любовь?

— Ну, по тем определениям, которые мы с тобой сейчас сформулировали, была.

— А что случилось, что вы развелись?

— А то, что мы с тобой забыли обсудить очень важный аспект любви.

— Что еще за аспект — не умничай.

— Любовь так же, как и дружбу, проверять, оказывается, нельзя: в них можно только верить и знать, что они существуют. Нельзя любовь и дружбу использовать в корыстных целях.

— Как же так? И при чем тут ваши отношения?

— Разве ты не знаешь? Что, я тебе не рассказывал? Сейчас выпьем, и я расскажу. И все же замечательный этот крымский херес, уже ради только его одного имело смысл присоединять Крым.

Буфетчик Гоша несколько удивился, увидев вновь своих друзей, и еще на ногах, но безропотно налил им по полстакана хереса. Через пятнадцать минут, употребив, те снова сидели на своей скамеечке в сквере.

— Ну, так слушай, — начал Жмуркин. — Два года назад моя матушка лежала в больнице с какой-то очередной своей болячкой. Она лежала в тридцать восьмой на Гребешке, у нее там врачи знакомые, значит, с сердечной недостаточностью или что-то там еще. Ты же знаешь мою маму?

— Конечно, — кивнул Илья.

— Ты же знаешь, как я ее люблю?

— Конечно.

— Ну так вот. Отдыхали мы в тот вечер у кого-то из художников в мастерской, в Нагорном микрорайоне — то ли у Бутусова... нет, у Кима Шихова. Море какое-то было уже выпито, и все расходиться по домам стали, а я вообще никакой был и уходить не хотел, хотел остаться там ночевать, а Ким не хотел меня оставлять. И вот эти сволочи, которым я уже, видимо, совсем надоел, придумали очень простой способ, как меня выпроводить. Они позвонили Маринке моей домой, а та позвонила мне на мобильник со словами: «У тебя мать в больнице умирает, а ты, алкаш, пьянствуешь!» Ну я, конечно, тут же выскочил на улицу, тормознул то ли такси, то ли какого-то частного и в больницу! Времени было уже двенадцать. Или больше даже. В больнице все заперто, так я выбил входную дверь в приемный покой, проскочил мимо спящего дежурного врача на второй этаж — я же знал мамину палату, — переполошил там всех. Маму я разбудил, прибежали дежурный врач, медсестра, охранник. Полицию вызвали, но те приехать не успели. Хорошо, что у меня деньги с собой были: я и за выбитую дверь расплатился, и за беспокойство, и такси мне вызвали. Приехал я домой и хорошенько накатил Маринке: она наутро с фингалом, в халатике и в домашних тапочках ушла, и больше мы с ней не общались.

— Тут все понятно, — задумчиво начал Илья, — а при чем же тут проверка любви? Ты как любил свою маму, так и продолжаешь любить. А свою любовь Марина твоя в принципе-то и не проверяла. Так что я не понимаю: кто и как проверял любовь и чья любовь от этого пострадала?

— Ты ничего не понял! Нельзя чью-то любовь проверять и использовать в своих корыстных целях! Понял?

— Это я понял. А только зачем же они нужны тогда, эти любовь и дружба, если на них только надеяться можно, а как только до дела доходит, так и все!

— Опять ты ничего не понял: использовать и любовь, и дружбу можно и нужно, а вот проверять их попусту, ради любопытства — нельзя!

— То есть ты хочешь сказать, что если я своей Иришке скажу: докажи, мол, мне свою любовь, то она откажется?

— Нет, она докажет, а вот что будет потом, после этого доказательства, — не знаю. Вот давай проверим, если хочешь. Я сейчас звоню ей и говорю, что тебя сшибла машина, и ты в больнице без сознания в реанимации, и положение очень тяжелое. Звоню?

— Звони, проверим. Даже любопытно.

— Только если она сейчас будет тебе перезванивать, ты не отвечай.

Звонил Иришке, супруге Ильи Криворотова, сам Жмуркин — сказал, что сидит он в приемном покое пятой больницы, а сам Илья в реанимации без сознания. И велел Михаил приезжать скорее — мол, должен подписывать какие-то бумажки ближайший родственник для проведения сложной операции с трепанацией черепа.

Из скверика пришлось перебираться поближе к приемному покою больницы, благо там тоже скамеечки стояли.

Иришка приехала скоро, на такси, без лишнего макияжа, чувствовалось, что собиралась на скорую руку, хотя и с большой сумкой через плечо. Была она женщиной крупной, просматривалась в ней давно прошедшая спортивная молодость; под стать она была самому Криворотову и даже несколько мужеподобной. Она выскочила из машины прямо перед сидящими на скамеечке друзьями и остановилась как вкопанная в нескольких метрах от них.

Михаил встал, по-идиотски улыбаясь во весь рот и широко раскрывая свои красивые, большие, правда, может быть, чуть-чуть уже косые глаза, и попытался двинуться навстречу Ирине, но та жестом руки остановила и даже осадила его.

— Ты, гаденыш и подлец по жизни, запомни это навсегда, потому что это качество не изживается с годами и не выветривается. И Марина твоя ушла от тебя не потому, что у вас там конфликт какой-то случился, а просто поняла она, что однажды ты ее продашь за стакан бормотухи. Для таких, как ты, алкашей не то что ничего святого не существует, но и смещаются куда-то очень далеко всякие понятия о порядочности и правилах поведения. И вот сегодня ты это всем доказал! А ты, мой хороший... — это Ирина уже обратилась к своему Криворотову и сразу же заплакала.

Илья встал со скамейки — до этого момента он боялся прервать монолог супруги, — но Ирина тут же пришла в себя и, ткнув пальцем в сторону своего законного и суженого, продолжила вещать:

— Я тебя любила, — сказала Ирина, обращаясь уже к одному Илье, — и в отличие от этого мерзавца ты, конечно, не подлец. Ему было любопытно, и он знал, чем все это кончится, — экспериментатор недоношенный. А ты просто сидел и был тупым свидетелем. Только этим молчаливым сидением ты и сожрал сегодня мою любовь. Ты молча загрыз мою любовь и молча сожрал — нет больше у меня любви к тебе, кончилась она вся сегодня, запомни это!